

Юлия ПИКАЛОВА

КАРТИНЫ

ВРУБЕЛЬ

Михаилу Казинику и Вере Донец

Бумага, черный мел,
Свинцовые белила.
Ты будто не хотел,
Да жизнь определила,

Да жизнь определил
Порывистый твой росчерк.
Ты сам себе — творил,
Ты сам себе — пророчил.

Какие знал миры?
Какие трогал темы?
Летит в тартарары
Угольноглазый демон.

И это не итог:
Горя святой судьбою,
Россия, Скрябин, Блок
Обрушатся с тобою:

Деревни, города,
Мосты, базары, храмы...
И гор растет гряда,
Проламывая рамы.

Скажи, ты так хотел,
Создатель Азраила?
Бумага! Черный мел!
Свинцовые белила!

Молчат твои уста
Белей ночного снега.
Ты просияешь там,
Где Сириус и Вега.

Юлия Пикалова родилась в Москве, живет в Италии. Окончила филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета и программу «Мастер делового администрирования» Государственного университета Калифорнии.

ОФОРТ

В перо «Божественной комедии»
преображалось острие
иглочки, когда по меди
я процарапывал ее —
полупрозрачную фигурку,
летающую над пустотой...
А дальше надо брать мензурку,
травить азотной кислотой,
и с каждой стадией травленья
она прозрачней и честней:
так вечность мучает мгновенье,
достойное остаться в ней.

Не плачь, не плачь о том, что хрупко,
тростинка, девочка, скорлупка,
смотри — я сохранил черты
твоей непрочной оболочки:
три точки, три тире, три точки —
иглочкой по меди — ты.

НАТЮРМОРТ

Идешь по горластому рынку,
пьешь буйство его, чтоб потом
готовым прийти к поединку
с натянутым туго холстом.

Торговцу кидаешь укор ты:
безбожна сегодня цена.
А дичь угодит в натюрморты —
и, значит, бессмертна она.

И ломится стол, и лоснится,
и кот караулящий толст,
и ноет твоя поясница,
и снедь выпадает за холст.

Нам, нынешним, это не внове,
нам ближе другое кино.
Но чем-то меня остановит
в музее твое полотно:

в его освещенье закатном
почудится луч бытия,
и ты протупаешь за кадром,
и тайнопись плачет твоя.

Прозрачней, светлей, абсолютней
души родниковой вода...
Я — музыка Баха для лютни,
и я не умру никогда.

СОЛЯРИС

безликий бег, поток, паденье,
себя поденная подмена,
и нет бездомной думы: где я?
где — Я?
но жар, бурлящий в венах,
отпустит вдруг —

..... и я отчалою
в слои без слов, без сожалений,
где Рембрандт в рубище печальном
и Крис, стоящий на коленях.

ALLA PRIMA¹

Александр Костину

сухой иглой.
без права на ошибку.
и каждый шорох — штрих.
и острие
скользит само прерывисто и гибко,
как быстрое дыхание твое.

скользит само —
мечтой об идеале.
покальвает изнутри виска.
а если и была тоска в начале —
ее возьмет офортная доска.

и только тем дается alla prima,
кто верен заповедному пути.
а кто водил твоей рукой незримо,
ты знаешь,
но нельзя произнести.

ДАРУ — ДАР

Рвалась наружу упрямо, мне было тесно и зло:
картина с роскошной рамой, бликующее стекло.
В условности все одеты, упрятаны под броню...

Пусть будет иначе где-то: теперь я все изменю!

¹ С первого раза, «на одном дыхании» (термин живописи).

Теперь мне подвластно слово, теперь я держу удар:
иная во мне основа — мой праздник, мой зов, мой дар!

И над коробами зданий просвет парит голубой.
Я в облике перевозданном предстану перед тобой!
Прочь, город! Под небесами резвится мое крыло.
О дар мой, ты самый, самый!..

И не кончаются сло...

АКВАРЕЛЬНАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Мир ловил меня, но не поймал.
Г. Сковорода

Он умел только это, получая гроши
За фантазий портреты и пейзажи души.

Он любил только это — первоцвет, васильки,
Млечность раннего света в тихом русле реки.

Свет в камерке — вполсилы, но под кистью слышны
Пенье пеночек милых, плеск ленивой волны...

А снаружи сжимала суета, нищета.
Покупали, но мало: не просил, не считал,

Так влюбленно и кротко шел к своей высоте!
И качается лодка на бумажном листе —

Далеко посредине и реки, и листа.
Приглядимся к картине: эта лодка пуста.

ПИГМАЛИОН. ВАРИАЦИИ

___ Вариация 1 ___

томясь ли чем, мечтая ли о ком
или болея виденным во сне —
я проверяла мрамор молоком,
и он теплел и отзывался мне.

теплел и не желал назад, во тьму,
и в жилках зарождался кровоток...
я поддалась. азарт меня увлек.
я отдала дыхание ему.

.....
.....
.....
.....

потом осталась мраморная плоть,
что не способна петь или пылать.
зачем ты наделил меня, господь,
умением напрасно наделять?

и почему, найдя однажды вновь
не явленный в людское бытие
прохладный камень, прячущий любовь —
опять отдам дыхание свое?

___ Вариация 2 ___

Ты слышишь зов.
Идешь, ведомый верой,
Волнуясь и заранее любя,
В далекие каррарские карьеры
Освободить позвавшего тебя.

Идти на зов — рискованное дело.
Ты знаешь. Ты уже бывал влеком.
Как распознать, чье эхо долетело?
Тебе поможет белое на белом:
Ты будешь лить с ладони молоко.

Как побежит узор тропинок млечных?
Не ошибись, творец, судьбу верша,
И выбери из глыб немых и вечных
Блок мрамора, в котором есть душа.

БРЕЙГЕЛЬ. 1565

Человечки катаются
По привычному льду.
Января не кончаются
В стародавнем году.

Речки, птички да веточки,
Тонкой кисточки пляс.
Чьи беспечные деточки —
Точной копией нас?

Закорючками черными
Да по желтому льду —

Кто они, заключенные
В стародавнем году?

Человечки со стаями —
По-соседски, смотри:
Им ловушку поставили
Из ненужной двери,

Порассыпали крохи там —
Человечки добры.
Эх, обрушится с грохотом
Деревянная кры..!

Вот вам, рамы музейные,
Залов гулкая тишь:
Черной птицей Везением
Из картины летишь.

На прощание — бешено
Жаром из-под ресниц —
На пейзаж с конькобежцами
И ловушкой для птиц.

ГЕРНИКА

«Герника» видела в основном
спины посетителей.

Ле Корбюзье

материя
 распадается, господа
потеряны
 боги, слоги, голоса, города
герника
 вывернута в беззвучном крике
 но крик
не воспримет глыба — безликий бык
 идолице стоит от века и на века
 конь последним хрипом разрывом жил
 прокликает быка
солдат пока жил
 сжимал ромашку и меч
 но рука
 отделена от плеч
 плечи от головы

— *Это сделали вы?*

— *Нет, это сделали ВБ².*

² Однажды во время немецкой оккупации Парижа в мастерскую художника пришло несколько гитлеровских офицеров. Один из них взял со стола репродукцию с «Герники» и небрежно спросил

люди на адском блюде
не я, не ты
 разверстые рты
 проклинают быка
 они лишены языка
 у матери вместо него кинжал
детское тельце обвисло тряпочкой, оно
 единственное не напряжено
мир последним хрипом лопался и дрожал

не мое, немое кино

...
на всемирной выставке в париже
мы не подходили ближе
к чему такие картины
герника видела наши спины

бык-тупогуб-погубитель
бычье мясо — наши сердца и умы

материя распадается, господа
это делаем мы

САНГИНА³

Что же, теперь мне знаком
Взгляд предающего брата.
Чтобы писать о таком,
Прежних чернил маловато.

Не заржавеет за мной:
Жгу (и глаза все суровой)
Охру с сиенской землей
Цвета запекшейся крови⁴.

ЧЕРНЫЙ КВАДРАТ

Задворки
и полуподвалы,
где в плошке огонек горит —
еще ведь и не так бывало
у Мастеров и Маргарит!

Пикассо: «Это вы сделали?» — «Нет, это вы сделали», — ответил художник. // «Пикассо» (Голломшток, Синявский, 1960).

³ От латинского sanguis — il sangue (ит.) / le sang (фр.) / кровь.

⁴ Так получали сангину в прошлые века.

Приобретенье, не утрата —
что комната насквозь пуста,
и вызревает красота
в пространстве белого листа,
в пространстве черного квадрата.

ДВЕ ПЬЕТЫ МИКЕЛАНДЖЕЛО⁵

И высочайший гений не прибавит
Единой мысли к тем, что мрамор сам
Таит в избытке...

Из стихов Микеланджело

Перед ее пьетою мир немеет
И замирает. Неизбывен миг.
Такая скорбь названья не имеет,
Но мрамора светлей пресветлый лик.

Она, скорбя, тебя в веках прославит.
Юна, как ты. В величии простом.
«И высочайший гений не прибавит
Единой мысли...» — ты поймешь потом,

Пройдя всю жизнь в ее красе и муке.
Уходит все. Уходу нет конца.
Т в о я пьета. Ты отпускаешь руки.
Никто не видит твоего лица.

Но тем из нас, кто утерьял надежду,
Готовясь руки, как и ты, разжать,
Ты скажешь: «Тот незримо мир удержит,
Кого никто не в силах удержать».

⁵ Две пьеты Микеланджело: ранняя (1496—1501) и поздняя, незавершенная, он работал над ней до последних дней своей жизни (1550—1564). Очень много говорят о его творческом пути.